

Куда бежать из курятника?

Category: Edebi makalalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Куда бежать из курятника? КУДА БЕЖАТЬ ИЗ КУРЯТНИКА?

Когда я думаю о проблеме успеха и признания в современной российской поэзии, мне в первую очередь приходит в голову странный опыт, случившийся у меня несколько лет назад в Абхазии. Мы поехали туда небольшой поэтической делегацией, там были такие авторы как Федор Сваровский, Николай Звягинцев – не новички ни в поэзии, ни в жизни, но по виду – пляжные повесы в джинсах, маечках.

И вот в одно прекрасное утро нас ввели в большой зал и посадили за длинный стол. Напротив нас уселись абхазские литераторы – немолодые мужчины в костюмах и при галстуках, излучавшие предельную солидность.

Они представляли друг друга так: «Вот это наш уважаемый поэт из села такого-то...», «А это наш уважаемый поэт из села такого-то...». Они говорили такие речи: «Абхазская литература умирает: двадцать лет назад в моём родном селе было восемнадцать писателей, а сейчас осталось всего тринадцать...».

Наглядно были явлены два полюса поэзии. На одном сохранилось ещё понятие высокого общественного статуса поэта, поэзии как карьеры и успеха в этой карьере. На другом – об успехе такого рода даже не помышляют.

Наши абхазские товарищи тоже заметили этот контраст, и один из них посетовал: вот, раньше к нам Евтушенко приезжал, а теперь непонятно кто, непонятно с какими полномочиями...

Эту ссылку на Евтушенко я слышал и в других местах – в Казани, Череповце. Тоска читателя по Евтушенко, который все не приезжает и не приезжает – это не только тоска по общепонятной, социально-значимой лирике. Это и желание лицезреть харизму поэтического успеха как некую объективную гарантию качества поэтической продукции.

Последним большим поэтом, который нуждался в успехе в стиле советских эстрадников, был Денис Новиков. Его принято

ассоциировать с Бродским, но вначале он побывал у Евтушенко и решил, что у него непременно должно быть все то же самое – дача, машина, заграничные турне. Понимание невозможности такого успеха медленно душило Дениса, и он в конце концов задохнулся.

Условно я бы представил «идеальный» поэтический успех так. После авторского вечера, после оваций, исцелованный поклонницами, с охапкой цветов поэт выходит на улицу, где стоит его желтая «феррари», садится в нее и укатывает домой.

Успех реальный выглядит иначе. Нет, овации, поклонницы и цветы – все это еще может быть. Например, у Дмитрия Воденникова. Вот только, выходя на улицу, поэт видит «феррари» – чужую! Принадлежащую, скажем, владельцу соседнего одёжного бутика. Сам же поэт понуро уходит во мрак и сырость, никому не нужный и никем не узнаваемый.

У многих стихотворцев есть опыт в жанре «Бобик в гостях у Барбоса», то есть поэт в гостях у радиоведущего – не у специалиста в поэзии, подобного Сергею Круглову, а у бодрого молодого человека, ведущего программу типа «встречи с интересными людьми». Вчера у него был модный стилист, завтра будет ресторатор, а сегодня, ради разнообразия – поэт. Такой ведущий обязательно спросит: «А можно ли стихами зарабатывать деньги?»

Приходится заранее готовить ответ на этот вопрос: некоторые зарабатывают, например, Вера Полозкова – новое для него имя, – или Дмитрий Быков – имя ему, вероятно, уже знакомое... Ну а в остальном – зарабатывать стихами мы не можем: можно дослужиться до премии «Поэт», но это уже будут деньги на лекарства, поскольку лауреат успеет состариться. А вообще-то мы пишем и публикуемся бесплатно.

А зачем пришёл-то? – логично возникает вопрос. На каком основании нам тут тебя приходится слушать? Где твой мандат? А пришёл, видимо, потому что я интересен как человек, сочиняющий стихи, да и вообще со мной бывает забавно потрепать языком. У меня есть какие-то публикации, есть поклонники, но нет успеха в житейском понимании. Ни как у вчерашнего стилиста, ни как у завтрашнего ресторатора. Не получилось. И

сейчас ни у кого уже не получается.

А поскольку нет реального успеха, то автор ищет другие знаки: вот я пишу, а я поэт или нет? Дайте хоть какое-то знамение!

Неудивительно, что в большую моду вошла теория символического капитала – как среди тех, кто читал Бурдьё, так и среди тех, кто его отродясь не читывал.

Упрощенно, в применении к поэтическому сообществу, эту теорию можно изложить так: раздаются фишки, как в казино, на эти фишки мы играем. На выходе из казино нам их непонятно как оплатят, но пока мы играем на эти фишки, как на настоящие деньги: опубликовался в «Новом мире» – вот тебе три фишки, в «Дружбе народов» – две фишки, а в «Воздухе» – все пять.

Но каково реальное обеспечение фишек?

Возьмём, например, толстые журналы: они, как мы знаем, давно перестали платить нормальные гонорары. Когда-то, в 1989 году, мне случилось опубликовать три маленьких стихотворения в альманахе «Истоки», советская власть мне за это заплатила 169 рублей; для сравнения, такова на тот момент была моя зарплата молодого специалиста.

Это не бог весть что, но с этой кочки открывалась перспектива: там подборка, здесь подборка, там рецензия, **здесь перевод с туркменского – и вот уже получается какая-то профессиональная деятельность**, на доходы от которой можно жить.

Что же остается у толстых журналов? Пресловутая экспертная функция.

На нее стали особо напирать, когда появилась Сеть и так называемая сетература. В Сеть стали вываливать множество всяких текстов, и тогда возникла такая концепция: Сеть – это литературная помойка, там одна графомания, но есть эксперты, лидеры вкуса. Эту экспертную функцию выполняют толстые журналы, печатая авторов и отмечая их в обзорах, а стало быть, чего нет на бумаге, того на самом деле не существует.

Но в середине нулевых годов ситуация начала меняться, и где-то с 2005-2006 года она полностью перевернулась: чего нет в Сети – того не существует. А журналы, соответственно, сгрудились в «Журнальный Зал».

К чему это привело? К тому, что отдельных толстых журналов у

нас теперь фактически нет, они превратились в разделы «Журнального Зала».

Я не очень внимательно слежу, в каком журнале опубликовано то или иное произведение, та или иная подборка, но я знаю, что это – в «Журнальном Зале». Я знаю, где это искать.

К тому же мне известно, что за каждой журнальной публикацией стоят конкретные люди и их отношения с другими конкретными людьми. Я могу обратить внимание, что если там написано сверху «Новый мир», то, значит, это отбирал Паша Крючков, а если написано «Знамя» – то отбирала Ольга Юрьевна Ермолаева. Но вообще-то мне всё равно, лишь бы текст был хороший.

Журналы уравнились по статусу: совершенно неважно, где выйдет подборка у автора, в «Новом мире» или, скажем, в «Новом берегу», где отбирает стихи прекрасный поэт Сергей Шестаков, который тоже плохого не выберет. Или в самом лучшем, на мой взгляд, журнале «Волга», который отличается, во-первых, хорошим вкусом, а во-вторых, не связан какими-то условностями: скажем, не обязан, в отличие от «Знамени», печатать нашего министра Улюкаева из года в год.

Есть и еще одно следствие этой журнальной коллективизации: все журналы, которые помещены в «Журнальном Зале», выравниваются не только по статусу, но ещё и по содержанию: людям всё равно, где печататься, а журналам всё равно, что печатать. В итоге одни и те же люди могут печататься в пяти, в восьми журналах: исчезает такое понятие как круг авторов, образующийся вокруг определённого журнала. Все журналы стали похожи.

К тому же, у нас есть не только «Журнальный Зал», а ещё и «Мегалит», куда собрано еще какое-то количество не попавших в «Журнальный Зал» изданий. В конце концов, вся эта система, которая должна была удерживать за собой хотя бы экспертную функцию, сама стала напоминать сайт свободных публикаций, потому что любой автор где-нибудь да опубликуется: если не берёт «Новый мир», не берёт «Знамя» – возьмёт «Зинзивер», возьмёт «Крещатик», который совсем не в Киеве издаётся.

Следовательно, и этот способ легитимации – это слово очень любит Дмитрий Кузьмин – постепенно размывается. Ну, подумаешь, опубликовался, – это что, событие? Никто этого особо не

заметил, потому что этих журналов море, и все находятся в одном месте, и все в одних условиях читательского доступа.

Поэтому люди начинают искать способы побега из этого курятника, из этого беличьего колеса авторской сансары – подборка, книжка, презентация, номинация... потом, если повезет – премия, но даже лауреаты большинства премий забываются на следующий день после фуршета. Позарез нужны формы самопозиционирования, отличающие автора от десятков и сотен других, прилежно публикующихся и регулярно включаемых в лонг- и шорт-листы известных и малоизвестных премий.

Но куда бежать? Самый радикальный побег совершил в своё время Герман Лукомников, который пошёл в зоопарк читать стихи зверям. Он до этого экспериментировал: читал стихи пациентам психбольницы, потом – заключённым на зоне, и вот, наконец, пришёл в зоопарк и честно отработал свою «людскую» программу. Другие авторы тоже стремятся выйти за пределы курятника, пусть и не так радикально.

В своё время поэзия ушла в бардовскую песню; сейчас это уже совершенно скомпрометированный жанр, дороги туда больше нет. Сейчас она идёт в направлении синтетического искусства: видеопоэзия, весьма перспективная и хорошо воспринимаемая, поэзия плюс музыка – это та же Вера Полозкова делает, и Воденников это делает, и Павел Жагун со своей «Поэтроной»; поэт плюс актёр, как у Быкова с Ефремовым; поэт плюс политика, как Кирилл Медведев или Маша Алёхина из «Pussy Riot».

Наконец, становятся модными выступления поэтов в школах, ведь не только ученики, но и их учителя современной поэзии в массе своей не знают.

Отчасти это реакция на поэтическую замкнутость нулевых годов, когда жизнь поэтов ушла в темные подвалы, где наливали дешёвую водку и поэтическое признание состояло примерно в следующем: за непокрашенным столиком сидят трое смурных, плохо одетых людей, пьют эту водку, закусывают соленьями или грибочками, и если ты признанный человек, то они пригласят тебя к себе за столик четвертым, а если не признанный, то не пригласят.

Когда-то различали эстрадную поэзию и поэзию для поэтов. Нулевые годы породили такое парадоксальное явление как

«эстрадная поэзия для поэтов». Это и «чемпионаты поэзии», и слэмы. Это была не только отчаянная имитация «побега из курятника», но и его репетиция – пока что почти без публики. Собственно, какая публика нужна поэзии? Когда говорят, что поэзии не хватает массового читателя, обычно почему-то представляют комбайнеров или металлургов – словом, людей «из народа». Мы вольны презирать «плебс» или идеализировать «народ-богоносец», но беда современной поэзии вовсе не в этом: она утратила внимание элиты, интеллигенции, ближайших смежников по интеллектуальному цеху. Современные авторы, в том числе и те, которые пользуются авторитетом в поэтическом сообществе, редко интересуют историков, экономистов, журналистов. И даже далеко не все прозаики замечают нынешних поэтов.

В своё время журналист Максим Соколов, который очень любит цитировать, просто плетёт свои статьи из цитат, жаловался, что после Бродского не появилось поэтов, которых можно было бы пустить на цитаты. Есть, правда, Емелин, которого не грех процитировать в газетной статье, поскольку достаточно большое количество читателей такую цитату поймет. Но больше в самом деле процитировать некого, поэтому строительным материалом для журналистики по-прежнему служат стихи Пастернака, Вознесенского, Евтушенко, Бродского.

На сегодня массовый читатель в самом деле не пошел дальше Бродского. К примеру, чиновники – важнейшие люди для культурной политики при нынешнем огосударствлении финансов, – если и интересуются стихами, то в основном остаются «людьми Евтушенко». Но появляются уже среди них и поклонники Бродского, такие как мэр Екатеринбурга Евгений Ройзман, повесивший портрет Бродского у себя в кабинете, или мэр Череповца Юрий Кузин, размещающий стихи Бродского на своей страничке «ВКонтакте».

Возможно, лет через двадцать определится и следующий лидер читательских симпатий. Пока же нам остается со смиренной печалью смотреть на чужие «феррари», не слишком гордиться теми невысокими кочками, на которые нам удастся забраться, и не слишком завидовать столь же скромным успехам коллег.

Игорь КАРАУЛОВ. Edebi makalalar